

ИЛАРІОНЪ, МИТРОПОЛИТЬ СУЗДАЛЬСКІЙ. ^(а)

Въ царствованіе благочестиваго царя и великаго князя Михаила Θεодоровича, въ Нижнемъ Новгородѣ, при Богородицкомъ дѣвичьемъ монастырѣ, былъ священникъ по имени Ананія, весьма благочестивый, искусный въ священномъ Писаніи Ветхаго и Новаго завѣта, благодушный, кроткій, украшенный всѣми добродѣтелями и усердный къ священнослуженію. Онъ имѣлъ благоразумную и богобоязненную супругу, именемъ Меланію, и немалое число дѣтей; младшій изъ нихъ былъ сынъ, по имени Іоаннь, родившійся въ 1632 г. Вскорѣ послѣ того священникъ Ананія перешелъ на другой приходъ — той же Нижегородской области въ село Кириково, близъ села Лыскова и Желтоводскаго монастыря преп. чудотворца Макарія. Отецъ началъ учить грамотѣ малютку Іоанна на третьемъ году. Ребенокъ былъ остръ и рѣчистъ; въ одинъ годъ онъ изучилъ всѣ книги приличныя дѣтямъ: букварь, часословъ

(а) Источниками для этой біографіи служили: 1) рукописное житіе митрополита Иларіона, писанное ученикомъ его монахомъ Маркомъ; 2) таже рукопись или скорѣе отрывокъ отъ 1632 г. до 1637 г., съ нѣкоторыми различіями отъ первой подробной и полной рукописи, въ Румянцев. музеѣ подъ № 173; 3) церковно-историческое описаніе Суздальскихъ достопамятностей, магистра іеромонаха Іосифа 1857 г.; 4) жизнь Иларіона, митрополита Суздальскаго и основателя Флорищевской пустыни, писана іеромонахомъ Геронимомъ 1859 г.

и псалтирь, читалъ бойко, сказывалъ стихиры, переходя отъ клироса къ клиросу и умѣлъ пѣть. Радуюсь его успѣхамъ, отецъ особенно любилъ его.

Когда младенецъ Іоаннъ достигъ пятилѣтняго возраста, мать его Меланія скончалась, а родитель, проживъ съ дѣтьми въ мірѣ вдовцомъ только три года, постригся въ Преображенскомъ Южскомъ монастырѣ съ именемъ Антонія. Домъ свой и все имущество онъ оставилъ старшему сыну Петру и прочимъ дѣтямъ, а младшаго Іоанна взялъ съ собою. Такимъ образомъ ребенокъ съ ранняго дѣтства жилъ въ пустынномъ монастырѣ, обучаясь посту и молитвѣ и имѣя всегда передъ глазами примѣръ благочестивой и добродѣтельной жизни родителя. Достигнувъ шестнадцатилѣтняго возраста, юноша Іоаннъ пошелъ въ село Кириково для свиданія съ братьями, которые уговорили и почти принудили его жениться на дочери одного священника, по имени Ксеніи, вопреки совѣту отца его іеромонаха Антонія, который желалъ, чтобъ Іоаннъ не женился, а принялъ монашество. Бракъ этотъ не былъ счастливъ: спустя одинъ годъ Іоаннъ овдовѣлъ и уже не захотѣлъ жениться въ другой разъ, не смотря на всѣ убѣжденія братьевъ и родственниковъ.

Въ 1652 году іеромонахъ Антоній, по волѣ царя Алексѣя Михайловича, былъ вытребованъ въ Москву, по случаю кончины святѣйшаго патріарха Іосифа и избранія ему преемника. Соборъ избралъ трехъ кандидатовъ: первымъ Никона митрополита новгородскаго, вторымъ сего іеромонаха Антонія и третьимъ еще одного іеромонаха. Кинули по обычаю жребій, и жребій палъ на Антонія. Но онъ будучи старъ и боленъ, добровольно уступилъ мѣсто митрополиту Никону (какъ увѣряетъ жизнеописатель Иларіона) и отправился обратно въ свою пустынь, одаренный приличными дарами отъ благочестиваго царя. Дорогою онъ заболѣлъ, едва доѣхалъ до прежняго дома

своего въ селѣ Кириковѣ, и тамъ окруженный дѣтьми, скончался въ глубокой старости. Передъ смертію онъ далъ наставленіе младшему сыну своему и благословилъ его быть инокомъ.

Молодой вловець Іоаннъ искренно желалъ исполнить послѣднюю заповѣдь отца своего, но пробылъ еще нѣсколько времени въ мірѣ, дожидаясь, чтобы на бородѣ его выросли волосы. Между тѣмъ братъ его, старшій священникъ села Кирикова, переселился въ Москву, взявъ съ собою и меньшаго брата, впрочемъ Іоаннъ недолго пробылъ въ шумномъ городѣ. Посланный братомъ за какимъ-то дѣломъ на родину, онъ услышалъ тамъ отъ одного причетника, по имени Василія, о Флорищевой пустыни въ Гороховскомъ уѣздѣ посреди глубокаго лѣса; «тамъ, говорилъ Василій, монахи живутъ добродѣтельно и богоугодно.»—Этотъ разказъ глубоко запалъ въ душу Іоанна: онъ поспѣшилъ туда и нашелъ въ пустыни только двѣ кельи, въ которыхъ жили четыре монаха, подъ руководствомъ опытнаго и прозорливаго старца схимонаха Меѳодія. Пустынножители съ любовію приняли пришельца, а Меѳодій провидѣлъ въ немъ избранный сосудъ Духа Святаго. Погостивъ нѣсколько дней въ пустынѣ, Іоаннъ возвратился къ брату въ Москву.

Здѣсь три раза одолѣвало его искушеніе вступить во второй бракъ, и каждый разъ, вслѣдъ за тѣмъ, нападала на него слѣпота. Два раза сряду проходила она скоро и благополучно, но послѣ третьяго искушенія, Іоаннъ сдѣлался совершенно слѣпымъ и никакія врачебныя средства не помогали ему. Въ этомъ положеніи онъ убѣдился, что постигнуть гнѣвомъ Божиимъ, раскаялся и просилъ одного знакомаго человѣка отвести его пѣшкомъ въ Лавру великаго чудотворца Сергія. Тамъ, уцѣльбоносной раки, онъ со слезами молилъ угодника Божія о душевномъ и тѣлесномъ прозрѣніи и въ то же мгновеніе явленно увидѣлъ предъ собою раку и все окружающее. Возблагодаривъ Бога и великаго чудотворца, онъ тотчасъ же

далъ обѣщаніе постричься во Флорищевой пустыни, а въ слѣдующую ночь увидѣлъ во снѣ преп. Сергія, который, приподнявшись изъ раки, сказалъ ему: «ты будешь жить во Флорищевой пустынѣ и тамъ я буду помогать тебѣ.»

Послѣ того Іоаннъ ушелъ въ городъ Коломну къ епископу Павлу, который былъ родной братъ покойной жены его. Павелъ принялъ его ласково и постригъ въ монашество 11 декабря 1653 г. на 22 году отъ рожденія. Хотя Іоаннъ и не желалъ того, помня свое обѣщаніе постричься во Флорищевой пустынѣ, но епископъ убѣдилъ его тѣмъ, что въ этой пустынѣ постричься ему не возможно, потому что тамъ нѣтъ ни одного іеромонаха и полезнѣе ему поступить туда уже привыкшимъ къ иноческой жизни. При постриженіи, Павелъ нарекъ Іоанна Иларіономъ, вскорѣ рукоположилъ его во діакона и сдѣлалъ его своимъ ризничимъ.

Между тѣмъ Флорищевскіе пустынножители построили себѣ деревянную церковь Успенія Богородицы съ малымъ придѣломъ преп. Ефрема Сирина. Когда первоначальникъ обители, схимонахъ Меодій ходилъ за сборомъ на построеніе церкви и многіе говорили ему, что бесполезно строить церковь на пустомъ мѣстѣ, куда онъ и священника не достанетъ, старецъ утвердительно отвѣчалъ, что самъ Господь пошлетъ имъ достойнаго священника. Церковь была построена. Меодій приходилъ въ Москву, получилъ отъ патріарха Никона благословеніе на освященіе храма, а отъ царя Алексѣя Михайловича, чрезъ посредство духовника его, протоіерея Стефана Воиноватова, церковную утварь. По освященіи храма случилось Меодию быть снова въ Москвѣ и встрѣтиться на улицѣ съ іеродіакономъ Иларіономъ. Оба они весьма обрадовались другъ другу и Иларіонъ обѣщался вскорѣ придти въ пустынь.

Спустя нѣсколько времени, коломенскій епископъ Павелъ,

за упорство противъ исправленія богослужебныхъ книгъ, былъ заточенъ въ сѣверные предѣлы Новгородской области, а Иларіону поручилъ устроить нѣкоторыя домашнія дѣла и прибыть къ нему. Иларіонъ исполнилъ возложенное на него порученіе, но не желая раздѣлять заточеніе съ явнымъ противникомъ соборныхъ постановленій, поспѣшилъ во Флорищеву пустынь, которую полюбилъ еще съ перваго посѣщенія. Онъ прибылъ туда 3 сентября 1654 года, спустя двадцать недѣль послѣ освященія храма.

Вскорѣ пустынножители убѣдили Иларіона согласиться на принятіе священства, и Меѳодій вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Москву. Патріархъ Никонъ узнавъ, что Иларіонъ сынъ того іеромонаха, который нѣкогда предсказалъ ему патріаршество, ⁽⁶⁾ назвалъ его «доброю вѣтвію благоплоднаго древа» и пыталъ его въ чтеніи Евангелія и рукоположилъ въ іерейскій санъ.

Съ того времени начались подвиги Иларіона во Флорищевой пустынѣ. Онъ полагалъ ежедневно до тысячи поклоновъ, вкушалъ пищу черезъ день, иногда чрезъ два дня, а иногда черезъ недѣлю; время свободное отъ богослуженія употреблялъ на чтеніе священныхъ писаній и на неусыпные труды въ пользу братіи. Съ того же времени получилъ онъ отъ Бога

(6) Въ упомянутой выше рукописи Румянцевскаго музея помѣщенъ разсказъ сторожа Успенскаго собора по имени Романа о томъ, что Никонъ патріархъ, еще бывши бѣльцомъ, приходилъ за наставленіями къ отцу Иларіону и получилъ отъ него рясу. Ананія будто бы сказалъ ему: «ты будешь носить рясы лучше этой, потому что будешь въ великомъ санѣ патріаршемъ.» Тутъ же помѣщенъ другой разсказъ того же Романа о гадателѣ Мордвиновѣ, предсказавшемъ Никону, что онъ будетъ царемъ или патріархомъ. Этотъ послѣдній случай разсказанъ здѣсь нѣсколько иначе, нежели у Шушерина, (въ житіи Никона). Шушеринъ называетъ гадателя татаринномъ.

даръ слезной молитвы и всегда, стоя на молитвѣ, днемъ или ночью, неутѣшно плакалъ.

Число братіи въ пустыни увеличилось, но не надолго. Предъ наступленіемъ страшнаго мороваго повѣтрія, прозорливый старецъ Меѳодій, предчувствуя свою кончину и совершенное опустѣніе монастыря, умолялъ Иларіона не покидать св. мѣста, которому предназначено отъ него получить возобновленіе. Спустя нѣсколько дней Меѳодій скончался отъ язвы; вслѣдъ за нимъ умерли всѣ монахи. Иларіонъ остался одинъ въ пустынѣ и вытерпѣлъ много искушеній отъ врага, который наводилъ на него страхъ и уныніе. Тогда вспомнилъ онъ слова Лѣствичника: «трудно одному жить въ пустынѣ; если нападеть на тебя уныніе, некому подкрѣпить тебя, а въ братствѣ всегда найдешь помощь, по слову Господню: и идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ васъ». Подвижникъ перешелъ изъ пустыни на другой берегъ рѣки Оки и поселился въ пустомъ мѣстѣ близъ села Аванасьева. Тамъ прожилъ онъ нѣсколько времени, въ шалашѣ изъ хвороста на жестокомъ морозѣ.

Сосѣдніе жители иногда посѣщали пустынника. Однажды они привезли соломы, покрыли и обложили шалашъ, сами остались ночевать и развели огонь предъ шалашемъ чтобы погрѣться. Когда они уснули, шалашъ загорѣлся, такъ что Иларіонъ едва успѣлъ вынести свои книги, а у гостей его и онучи сгорѣли. Иларіонъ разодралъ имъ свою рясу на онучи, а они воротившись домой и взявши топоры, поспѣшно возвратились и срубили для него бревенчатую келью. Но и здѣсь подвижникъ не нашелъ себѣ покоя, потому что келья была срублена изъ сырыхъ и мерзлыхъ деревъ.

Старшій братъ его Петръ, узнавъ объ удаленіи Иларіона изъ запустѣлой Флорищевой пустыни, писалъ къ нему, совѣтовалъ снова возвратиться туда и прислалъ нѣсколько книгъ,

церковныхъ облаченій и утвари. Подвижникъ былъ обрадованъ письмомъ брата, какъ бы нѣкоторымъ подкрѣпленіемъ, и рѣшился послѣдовать его совѣту. Зашедши въ Гороховецъ, Иларіонъ встрѣтилъ тамъ собрата своего монаха Іону, который ушелъ изъ Флорищевой пустыни еще прежде мороваго повѣтрія. Они оба вмѣстѣ возвратились въ прежнюю свою обитель, на прежніе неутомимые подвиги.

Скоро стали стекаться къ блаженному Иларіону любители безмолвія. Въ числѣ ихъ былъ и клирикъ Василій, указавшій Иларіону на Флорищеву пустынь; въ иночествѣ онъ названъ Веніаминомъ. Въ обитель собралось до пятнадцати подвижниковъ; много приходило и мірскихъ богомольцевъ. Для нихъ Иларіонъ устроилъ прямыя дороги на всѣ стороны отъ монастыря съ мостами черезъ рѣки и ручьи, при чемъ самъ съ братією мостилъ мосты, которыхъ было до 18-ти, нося бревна на плечахъ своихъ. Онъ возобновилъ послѣ пожара церковь, построенную въ 1654 году, первоначальникомъ обители схимонахомъ Меодіемъ, окружилъ монастырь оградой и на воротахъ поставилъ церковь Соловецкихъ чудотворцевъ Зосимы и Савватія.

Въ это время было много прекословія, со стороны ревнителей старыхъ книгъ о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, по правилу напечатанному въ слѣдовапной псалтири, о числѣ просфоръ для литургіи и о сугубой аллилуіи. Святѣйшій патріархъ Никонъ, по совѣту съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, собралъ соборъ въ Москвѣ и относился грамотами къ вселенскимъ патріархамъ, прося извѣстить о томъ, какъ на востокѣ соблюдаются эти обрядовыя подробности. По полученіи отвѣтовъ отъ патріарховъ восточныхъ, богомудрый Никонъ напечаталъ новоисправленные служебники, съ приложеніемъ объясненія о триперстномъ сложеніи и трое-

братномъ пѣніи аллилуи, и разослалъ ихъ по всеѣмъ церквамъ для совершенія богослуженія.

Получивъ новоисправленныя книги, блаж. Иларіонъ усомнился въ правильности исправленій^(в) а вспоминая слова, сказанныя нѣкогда на Соборѣ: «аще кто прибавить или убавить, анаема да будетъ», онъ наложилъ на себя постъ и долго молился со слезами, чтобы Господь открылъ ему истину, наконецъ сказалъ самъ себѣ: «отслужу одинъ разъ по новоисправленному служебнику, можетъ быть Господь мой откроетъ мнѣ недостойному рабу Своему истину, ибо Онъ самъ вѣдаетъ, что я не хочу противиться истинѣ.» Однажды онъ отслужилъ литургію по новому служебнику и когда, потребивъ св. Тайны, сталъ отирать сосуды губою, увидѣлъ въ потирѣ кровь, которая выступала и на внѣшнюю сторону чаши. Блаж. Иларіонъ подумалъ, что губа, которою онъ обтиралъ сосудъ, повреждена, но губа оказалась цѣлою а крови появилось сколько въ самой чашѣ, столько же и на внѣшней сторонѣ ея. Тутъ услышалъ онъ голосъ: «сколько крови внутри чаши, столько же на внѣшней сторонѣ ея; такъ разумѣй и объ исправленіи книгъ, о св. Евхаристіи и о прочемъ. Совершается ли служба по прежнимъ книгамъ, или по новоисправленнымъ служебникамъ, сила таинства остается таже.» Съ того времени блаж. Иларіонъ безпрекословно повиновался патріарху и собору и совершалъ таинство св. Евхаристіи по новоисправленному служебнику на пяти просфорахъ, осѣняя себя

(в) Сомнѣніе Иларіона весьма естественно: онъ не могъ вполнѣ сочувствовать патріарху Никону, занявшему, по волѣ царя, то высокое мѣсто, которое по жребію слѣдовало родителю Иларіона — іеромоваху Антонію, едва ли охотно отказавшемуся отъ патріаршества. Сверхъ того родственникъ, покровитель и рукопожатель Иларіона, епископъ Павелъ былъ непримиримымъ врагомъ Никона.

крестнымъ знаменіемъ тремя перстами и произнося аллилуіа троекратно.

Нѣкоторые изъ братіи не послѣдовали благоразумному примѣру своего настоятеля и крѣпко стояли за старыя обряды, такъ что Иларіонъ принужденъ былъ смирять ихъ строгими мѣрами. Другіе оклеветали его предъ патріархомъ Никономъ, какъ неповинующагося волѣ святительской. Патріархъ вызвалъ его въ Москву и заставилъ сорокъ дней служить въ Чудовѣ монастырѣ; потомъ убѣдившись въ правотѣ его, отправилъ обратно въ монастырь.

Кромѣ этого кратковременнаго искушенія, подвижнику предстояли еще другія, болѣе тяжкія и продолжительныя. Врагъ рода человѣческаго искушалъ его тоскою, уныніемъ и блудными помыслами, чтобъ удержать отъ совершенія литургіи. Блаж. Иларіонъ изнурялъ себя постомъ и ночью молитвою; когда же по бывшему ему явленію, онъ сталъ совершать литургію ежедневно, искушенія миновались.

Нѣсколько разъ нападали на обитель разбойники, думая найти тамъ большое богатство. Не смотря на увѣренія Иларіона, что онъ всѣ собранныя имъ деньги употребилъ на церковное строеніе, они били его, мучили и поджигали огнемъ. Наконецъ, видя кротость праведника и братіи его, сами разбойники устыдились, раскаялись и просили прощенія.

Въ обители была такая скудость, что часто не доставало припасовъ для дневнаго пропитанія; иноки носили разодранныя рубища со множествомъ заплатъ. У всѣхъ была одна шуба, которую надѣвали тѣ, которые отлучались изъ обители за монастырскимъ дѣломъ. Не смотря на такую крайнюю нужду, блаж. Иларіонъ не оставлялъ страннолюбія, на что весьма роптали иноки и даже нѣсколько разъ покушались разойтись изъ пустыни. Но промыслъ Божій каждый разъ удер-

живаль ихъ какою-либо внезапною помощію: добрые люди неожиданно доставляли хлѣба въ достаточномъ количествѣ, или деньги на покупку пищи.

Литургія въ пустынѣ совершалась спѣшно, какъ по множеству слѣпней, комаровъ и мошекъ, изъѣдавшихъ блаж. Иларіона, который не смѣлъ обороняться отъ нихъ во время священнослуженія, такъ и по недостатку хорошихъ пѣвцевъ. Монахи едва умѣли пѣть: Господи помилуй и другія краткія молитвословія, а херувимской пѣсни вовсе не умѣли пѣть, такъ что она замѣнялась чтеніемъ пятидесятаго псалма, доколѣ въ алтарѣ не изготовятся къ великому выходу. Однажды, пришедши во храмъ предъ литургіею слишкомъ рано, Иларіонъ присѣлъ на своемъ мѣстѣ и задремалъ. Въ тонкомъ снѣ онъ увидѣлъ Пресвятую Богородицу и получилъ отъ Нея внушеніе, что поспѣшнымъ совершеніемъ литургіи онъ многихъ лишаетъ великой пользы. Съ того времени онъ не сталъ уже спѣшить въ священнослуженіи.

Однажды случился неурожай и въ слѣдъ за нимъ голодъ. Множество голодныхъ стекалось въ Флорищеву пустынь, прося хлѣба. Хотя хлѣбные запасы были и не велики, но блаж. Иларіонъ, подкрѣпляясь надеждою на всещедрого Бога, никому не отказывалъ въ пропитаніи, не смотря на ропотъ братіи. И Господь оправдалъ вѣру угодника Своего: запасы муки долго не истощались. Когда же не стало муки, въ обители варили крупу для проходящихъ, а блаж. Иларіонъ послалъ монаха Никона въ Гороховець къ одному богатому человѣку, по имени Симеону Ершову, чтобы занять у него денегъ или двадцать мѣръ жита, но получилъ отъ него отвѣтъ: «самъ ты богатъ, хочешь всѣхъ прокормить и никому не отказываешь. За чѣмъ же требуешь чужаго имѣнія и хочешь получить спасеніе отъ чужаго богатства?» Отказъ богача огорчилъ щедрого страннолюбца, но Господь скоро утѣшилъ его: про-

бѣжіе люди дали ему десять рублей, столько же принесли богомольцы изъ села Павлова, неизвѣстный благотворитель доставилъ сто рублей, на которыя купленъ въ Гороховцѣ цѣлый стругъ хлѣба. Наконецъ и Семень Ершовъ, устыдившись своей скупости, подарилъ 50 мѣръ жита и съ того времени постоянно благодѣтельствовалъ монастырю. Такимъ образомъ блаж. Иларіонъ не только самъ съ братією не терпѣлъ нужды, но и пропитывалъ множество приходившаго къ нему голоднаго народа.

Однажды окончивъ литургію, онъ хотѣлъ надѣть свою мантию, но увидѣлъ на ней скрижали и источники, какъ на мантии святительской. Вздохнувъ изъ глубины сердца, онъ сказалъ: «Господи, челоуѣколюбче прещедрый, не помяни грѣховъ и беззаконій моихъ первыхъ, но по милости Своей спаси мя грѣшнаго.» Видѣніе внезапно исчезло.

Около того же времени открылась въ богоугодномъ строителѣ Флорищевской пустыни благодатная власть надъ духами нечистыми. Писатель жизни его повѣствуетъ объ исцѣленіи двухъ бѣсноватыхъ женщинъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ блаженный Иларіонъ получилъ отъ Бога и даръ прозорливости. Одинъ монахъ, по имени Авраамій, проходя изъ пустыни Спаса на Тезѣ, зашелъ во Флорищеву пустынь. Блаж. Иларіонъ совѣтовалъ ему не оставаться въ Москвѣ, но воротиться скорѣе въ свой монастырь. «Дѣлай какъ хочешь, прибавилъ онъ, будешь игуменомъ, архимандритомъ, наконецъ и архіерейства удостоишься прежде меня, но пользы тебѣ не будетъ.» Такъ и сбылось. Авраамій былъ послѣ митрополитомъ Рязанскимъ, но по клеветѣ одного изъ бывшихъ при немъ клириковъ отрѣшенъ отъ управленія епархіей (г).

(г) Авраамій изъ архимандритовъ Андроніева монастыря, посвященъ въ 1687 году въ санъ митрополита Рязанскаго, но въ 1700 лишенъ епархіи и скончался въ 1708 году.

Другой опытъ прозорливости показалъ Иларіонъ на одномъ монахѣ изъ своей братіи, подвергшемся сильному искушенію. Одинъ земледѣлецъ, по имени Иванъ, еще живя въ мірѣ съ женою, трудился на работѣ съ утра до вечера, лишалъ себя пищи, нарочно давалъ кусать себя муравьямъ, ложась на муравьиныя кучи, сѣкъ себя лозою по плечамъ до крови, и дѣлалъ все это для спасенія души своей. Когда же случилось ему овдовѣть, онъ былъ очень радъ тому и поспѣшилъ во Флорищеву пустынь, гдѣ и постригся съ именемъ Іоны. Настоятель поручилъ его надзору добраго старца, который назначилъ новонаначальному монаху келейное правило и старался удерживать его отъ излишнихъ подвиговъ; но Іона не слушалъ старца, ваходя данное ему правило слишкомъ легкимъ, отказывалъ себѣ въ пищѣ, приходилъ въ церковь прежде всѣхъ и выходилъ оттуда послѣднимъ. Вскорѣ онъ началъ мысленно осуждать другихъ иноковъ, какъ бы лѣнливыхъ къ посту и молитвѣ, а себя самага почитать великимъ подвижникомъ. Такія гордыя мысли открыли свободный доступъ врагу къ душѣ несчастнаго: когда Іона становился на келейную молитву, бѣсъ сталъ являться ему въ видѣ свѣтлой звѣзды. Потомъ началъ бесѣдовать съ нимъ, открывать ему тайны поступки другихъ и предсказывать будущее. Между тѣмъ молодой монахъ болѣе и болѣе убѣждался въ своей праведности и усиливалъ подвиги, вопреки совѣтовъ своего старца. Наконецъ онъ заболѣлъ, и демонъ, котораго онъ считалъ ангеломъ Божиимъ, объявилъ ему, что онъ на третій день умретъ. Тогда больной призвалъ къ себѣ преп. Иларіона и сказалъ ему: «отпусти меня, отче, изъ здѣшней жизни; мнѣ назначено на третій день переселиться въ вѣчность». А почему ты это знаешь? спросилъ игумень. — «Знаю навѣрное, отче; ангель Божій, который давно уже бесѣдуетъ со мною, теперь возвѣстилъ мнѣ смерть». Тогда Иларіонъ, поднявъ руку, крѣпко

ударилъ Іону по щекѣ, примолвивъ: «ты оболъщенъ, окаянный, ты поруганъ отъ діавола». Не смотря на упорныя увѣренія оболъщенного, что демонъ не могъ будить его на молитву, опытный настоятель строго приказалъ ему не слушать внушеній призрака и не вставать на молитву до того времени, когда вся братія встаетъ по удару колокола. Оказалось, что въ келейной молитвѣ, Іона, по внушенію врага, произносилъ слова нелѣпыя, неприличныя и ужасныя, а потому поручено келейному его старцу крѣпко надзирать за молитвою новоначальнаго. На слѣдующую ночь Іона не послушался оболъщителя и не всталъ ранѣе другихъ. Тогда бѣсъ началъ на него и сталъ его мучить: несчастный источалъ пѣну, скрежеталъ зубами и страшно бѣсновался. Страданія его продолжались нѣсколько недѣль; наконецъ по усерднымъ молитвамъ Иларіона и всей братіи избавился отъ мученій, пришелъ въ разумъ и сдѣлался послушливымъ и кроткимъ, какъ младенецъ. Несчастный примѣръ Іоны послужилъ къ назиданію Флорищевской братіи. Никто не смѣлъ уже налагать на себя подвига безъ благословенія отеческаго и все твердо помнили, что послушаніе выше поста и молитвы.

Въ обители введенъ былъ слѣдующій уставъ для молитвы церковной: послѣ вечерни пѣли въ притворѣ заупокойную литію, потомъ читали малое повечеріе съ канонами Іисусу сладчайшему, Богородицѣ и Ангелу Хранителю. По шестой пѣсни читался акаѳистъ Божіей Матери, а по окончаніи канонѣ прибавлялись три молитвы: «Владыко многомилостиве», «Нескверная неблазная» и «Ангеле Христовъ хранителю мой святой.» Послѣ того братія позволялось отдохнуть сидя и выпить воды или квасу. Наконецъ правило заключалось чтеніемъ молитвъ на сонъ грядущимъ и братія расходилась по кельямъ до звона къ утрени. Чтеніе правила въ церкви

установлено было для общей пользы, потому что много было неграмотныхъ.

Страхъ Божій удерживалъ братію не только отъ лжи, но и отъ смѣха и празднословія. Особенно остерегались они бесѣдовать съ мірянами. Для приѣма посѣтителей и разговора съ ними былъ назначенъ одинъ изъ монаховъ, а прочіе старались уклоняться отъ сношеній съ проходящими. Никто не выходилъ изъ воротъ обители безъ благословенія настоятеля; никто не имѣлъ своей частной собственности, но если кому случалось получать что-либо отъ богомольцевъ, онъ тотчасъ же приносилъ полученное въ казну монастырскую. Туда же вносились и заработанныя деньгами тѣми монахами, которые упражнялись въ какомъ-либо художествѣ или ремеслѣ, а по кельямъ ни у кого не было ни копѣйки.

Какъ велики были усердіе и горячность къ молитвѣ между Флорищевской братіей, о томъ свидѣтельствуемъ слѣдующій случай, записанный въ жизнеописаніи Иларіона. Три монаха, отправленные имъ въ Москву за какимъ-то дѣломъ, жили тамъ въ домѣ царскаго живописца Симона Ушакова, въ Замоскворѣчьи, близъ берега рѣки. Однажды въ поздній вечеръ они отправляли свое обычное правило; горячая молитва возносилась изъ устъ ихъ къ небу, какъ пламень огненный, слезы текли изъ очей обильнымъ потокомъ. Стрѣльцы, стоявшіе на стражѣ у Тайницкихъ воротъ Кремля, увидѣли огонь надъ кровлею Ушакова, думали что тамъ пожаръ, по дивились, что не видятъ дыма. Поспѣшивъ на мѣсто, они разбудили хозяина и не нашли ничего, кромѣ молящихся иноковъ. Слѣдовъ пожара не было, потому что огонь былъ не вещественный.

На трапезѣ всѣмъ подавалась одинаковая пища и читали житія святыхъ. Всѣ слушали въ молчаніи; если же кто позволялъ себѣ разговаривать во время чтенія, то тутъ же ста-

новился на поклоны. На непокорныхъ налагались желѣзныя вериги или смиряли ихъ голодомъ. Хмѣльныхъ напитковъ вовсе не допускалось въ обители.

Блаженный Иларіонъ былъ лично извѣстенъ царю Алексѣю Михайловичу по слѣдующему случаю: въ патріаршей нищенпитательницѣ на Кулишкахъ, что за Варварскими воротами, начали обнаруживаться странныя и необъяснимыя явленія. Въ ночное время раздавался громкій стукъ, который никому не давалъ заснуть; невидимая сила сбрасывала богадѣленныхъ съ постели и лавокъ, дикіе голоса кричали на печкѣ, на полатяхъ и углахъ обширной избы. Это дошло до свѣдѣнія государя; онъ посылалъ туда духовныхъ лицъ для молитвы, но успѣха не было и страхи въ богадѣльнѣ продолжались по прежнему. Кто-то изъ близкихъ къ царю разсказалъ ему о препод. Иларіонѣ (бывшемъ на тотъ разъ въ Москвѣ), что онъ получилъ отъ Бога власть изгонять духовъ нечистыхъ своею молитвою. Призванный къ царю, смиренный старецъ помолился на иконы, поклонился въ ноги государю и стоялъ со страхомъ, ожидая гнѣва царскаго по чьей-нибудь клеветѣ. «Не бойся, честный отче, сказалъ ему царь, я призвалъ тебя не по какому нибудь доносу на тебя, но за добрымъ совѣтомъ и богоугоднымъ, дѣломъ». Тутъ царь разсказалъ игумену о странныхъ явленіяхъ въ богадѣльнѣ и просилъ его помолиться объ избавленіи богадѣльныхъ старицъ отъ безпокойныхъ духовъ. Блаженный Иларіонъ отвѣчалъ: «выше мѣры моей повелѣніе твое, благочестивѣйшій государь. Я грѣшенъ и нечистъ душею, но не дерзаю быть послушникомъ царской твоей воли». Онъ отправился въ нищенпитательницу вмѣстѣ съ двумя монахами, ученикомъ своимъ Маркомъ и Іосифомъ по прозванію Ребикомъ; они отправили тамъ повечеріе съ канонами, акаѣвистами и земными поклонами, заставивъ молиться съ собой и тамошнихъ старицъ. Шумъ и вопль не только не умолкали,

но становились еще яростнѣе. Блаженный Иларіонъ не ослабѣвалъ въ борьбѣ съ духами; при крѣпкой вѣрѣ онъ боролся съ ними неусыпною молитвою въ продолженіи пяти недѣль и наконецъ, мало-по-малу всѣ безпокойства утихли. Съ того времени царь Алексѣй зналъ и уважалъ Иларіона.

Сынъ и преемникъ царя Алексѣя, кроткій и благодушный царь Феодоръ любилъ посѣщать святаыя мѣста и созидать храмы Божіи. Онъ любилъ также оказывать вниманіе къ духовнымъ властямъ и монастырямъ и снабжать ихъ всѣмъ нужнымъ. Бывшій прежде воеводою Вязниковскимъ Иванъ Максимовичъ Языковъ, возвратясь съ воеводства ко двору царскому и находясь въ милости у государя, однажды разсказалъ ему о подвигахъ и добродѣтеляхъ Флорищевскаго игумена. «Въ наше время, говорилъ Языковъ, не слышно нигдѣ о такомъ угодникѣ Божіемъ, каковъ Иларіонъ. Онъ подобенъ древнимъ отцамъ пустыннымъ и ангеламъ небеснымъ.» Благочестивый государь, слыша этотъ разсказъ, радовался, что при его царствованіи живетъ на землѣ такой богоугодный мужъ и весьма желалъ видѣть его, а между тѣмъ раздумывалъ: «если пошло за нимъ мою царскую грамоту, онъ можетъ скрыться, избѣгая славы человѣческой. Не лучше ли мнѣ самому отправиться къ нему въ пустыню, принять его благословіе, послушать душеспасительной бесѣды, и попросить молитвъ о скорби моей?» (у царя тогда сильно болѣли ноги отъ скорбутной болѣзни.)

Какъ будто нарочно, по особому соизволенію Божію, въ то самое время случилось Иларіону быть въ Москвѣ. Языковъ нашелъ его въ домѣ родственника его Ушакова (гдѣ прежде останавливались присланные имъ монахи) и представилъ къ царю. Когда игуменъ поклонился царю до земли, благочестивый государь поспѣшилъ самъ поднять его и усердно просилъ благословія, причемъ низко наклонилъ голову. Преп. Иларіонъ, не дерзая поднять руку надъ головою

царскою, сказалъ: «не мнѣ худому и недостойному старцу воздѣтъ грѣшную руку мою надъ главою помазанника Божія, къ которому не дерзаю прикоснуться по слову Господню: не прикасайтесь помазаннымъ Моимъ. Но самъ Господь, Царь Царей, да благословитъ тебя, благочестивѣйшій государь, своимъ всеильнымъ и неотъемлемымъ благословеніемъ, нынѣ и присно и въ безконечныя вѣки, аминь».

Послѣ вторичнаго земнаго поклона, Иларіонъ, по приказу царскому, сѣлъ и сталъ бесѣдовать съ государемъ. Θεодоръ жаловался ему, что дѣла государственныя и заботы житейскія не оставляютъ ему времени для попеченія о душѣ своей, и что только тогда онъ находитъ для себя отраду, когда можетъ бесѣдовать съ мужами опытными въ духовной жизни. Пустынный подвижникъ утѣшалъ государя тѣмъ, что строгое исполненіе долга, возложеннаго по волѣ Божіей, замѣняетъ собою постъ и молитву. «Самъ Богъ, говорилъ онъ, поручаетъ судъ Свой царю и правду Свою сыну царицы. Сердце твое, государь, должно быть въ рукѣ Божіей; судъ твой, какъ судъ Божій, долженъ быть правымъ и нелицепріятнымъ. Слово царское никогда не проходитъ мимо; оно должно быть свято и праведно. Какъ подобіе царя небеснаго на землѣ, царь земный долженъ быть благъ, кротокъ, милостивъ, долготерпѣливъ и чуждъ всякаго памятозлобія, неправды и криводушія. Солнце благодати его да свѣтитъ не только на добрыхъ, но и на злыхъ; дождь щедротъ его да окропляетъ равно праведныхъ и неправедныхъ». Первая бесѣда Иларіона съ царемъ продолжалась нѣсколько часовъ; съ того времени кроткій государь полюбилъ пустытника и нерѣдко вызывалъ его въ Москву для душеполезной бесѣды. За царскимъ столомъ предоставлялось игумену первое мѣсто.

Когда у благочестиваго царя отъ перваго брака съ царицей Агафѣей Семеновной изъ рода Грушевыхъ родился сынъ

царевича Илія, государь пожелалъ, чтобы воспріемникомъ царевича отъ купели былъ блаж. Иларіонъ, какъ духовный собесѣдникъ и другъ его. При этомъ случаѣ, царь подарилъ для Флорищевекой пустыни колоколь въ 220 пудовъ, разные запасы, пахатную землю, луга, лѣсныя дачи, мельницу и двѣ солянныя варницы. Царь хотѣлъ отдать также всю Бѣлогородскую волость, но блаж. Иларіонъ не принялъ этого подарка и сказалъ: «довольно, благочестивый государь, твоихъ милостей на наше пропитаніе. Наше дѣло заботиться о своемъ спасеніи, а не разбирать дѣла крестьянъ, пользоваться трудами рукъ ихъ и наказывать виноватыхъ, потому что безмѣрная суета отводитъ отъ Бога.» Царь отвѣчалъ: «да будетъ по волѣ твоей, отче святой, а я всею душою радъ награждать тебя».

Спустя нѣсколько времени, царь Θεодоръ, съ царицею, царевнами, и со всѣмъ дворомъ своимъ, предпринялъ путешествіе изъ Москвы во Флорищеву пустынь. Встрѣченный съ должною честію игуменомъ и братіею, онъ внимательно осматривалъ пустыню, изучалъ уставъ богослуженія и порядокъ жизни братіи, приказалъ заложить въ монастырѣ каменный храмъ по образцу церкви въ селѣ Измайловѣ, что подъ Москвою, а крестьянамъ окрестныхъ дворцовыхъ волостей привозить кирпичъ и известь. При прощаніи съ царемъ, Иларіонъ поднесъ ему башмачки, искусно сплетенные изъ лыкъ и благодушный государь принялъ гостинецъ съ любовію, какъ даръ драгоцѣнный.

Закладка церкви послѣдовала осенью 1680 года. При копаніи рововъ найдено два гроба: первоначальника обители схимонаха Меодія и одного изъ учениковъ его; въ обоихъ гробахъ оказались мощи совершенно нетлѣнныя, хотя отъ кончины старца Меодія прошло 28 лѣтъ. Онѣ погребены въ строившейся церкви на западной сторонѣ.

Строеніе храма шло весьма быстро, благодаря щедрости царской и усердію окрестныхъ жителей, которые приходили работать по ночамъ, причеиъ помогаль имъ и самъ игуменъ съ братіею. Впрочемъ блаж. Иларіонъ иногда тяготился заботами о церковномъ строеніи, которыя отнимали у него время назначенное для келейнаго правила и ночной молитвы. Однажды онъ изливаль скорбь свою о томъ, молясь со слезами предъ иконою Богоматери, и вдругъ услышалъ голосъ: «принеси изъ паперти теплой церкви образъ Мой, называемый Владимірскимъ, и поставь его въ храмъ, который теперь строится. Я сама буду тебѣ помощницею и успокою тебя.» Несказанный восторгъ наполнилъ душу пустыннаго труженника: на слѣдующее утро онъ перенесъ съ крестнымъ ходомъ икону на указанное мѣсто и совершилъ предъ нею всеобщее бдѣніе съ акаѳистомъ. Съ того времени онъ совершенно успокоился, не возмущался болѣе житейскими заботами, а строеніе храма продолжалось весьма успѣшно.

Прошло менѣе двухъ лѣтъ и храмъ былъ готовъ къ освященію. На это торжество прибылъ царь Феодоръ со всеиъ своимъ синклитомъ и по волѣ его Смоленскій митрополитъ Симеонъ освятилъ храмъ 30 сентября 1682 года. Возвращаясь въ Москву, царь взялъ блаж. Иларіона для возведенія его на Суздальскій архіерейскій престолъ.

Назначеніе на архіерейство еще не было объявлено Иларіону, но онъ былъ извѣщенъ о томъ въ видѣніи. По пріѣздѣ въ Москву, совершивъ литургію въ одной изъ дворцовыхъ церквей и причастившись св. Таинъ, онъ, во время чтенія обычныхъ молитвъ, увидѣлъ стоящаго подлѣ престола св. Николая чудотворца, который помазалъ его благовоннымъ муромъ и сказалъ: «отнынѣ ты будешь архіереемъ.» Хиротонія Иларіона въ санъ епископа Суздальскаго совершена патриархомъ Іоакимомъ съ прочими святителями 11 декабря 1682 г.

Духовная любовь и неограниченное довѣріе государя къ новопосвященному святителю продолжались по прежнему, Лишившись первой супруги, Θεодоръ просилъ преосвященнаго Иларіона, чтобы онъ самъ выбралъ ему невѣсту для втораго брака. Провидя близкую кончину царя, святитель совѣтовалъ ему не приступать къ новому супружеству и вести жизнь цѣломудренную, но по неоступной просьбѣ Θεодора нашелъ ему добрую и прекрасную невѣсту, дѣвицу Марѳу Матвѣевну, изъ рода Апраксиныхъ. При вѣнчаніи втораго брака царскаго, Иларіонъ получилъ бѣлый клобукъ и санъ митрополита Суздальскаго. Но царь прожилъ съ новобрачною супругою только 10 недѣль и перешелъ отъ временной жизни на вѣчный покой, въ лоно Господа, котораго возлюбилъ отъ всего сердца своего. Святитель Иларіонъ присутствовалъ при кончинѣ царственнаго своего друга, и былъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ стрѣleckаго бунта, послѣ котораго на Русскій престолъ возведены были совокупно два царевича, родные братья почившаго государя, Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи.

Тогда преосвященный митрополитъ Иларіонъ отправился въ свою епархію. Онъ сталъ неутомимо заниматься дѣлами паствы своей и не пропускалъ ни одного праздничнаго или воскреснаго дня безъ поученія, которое сильно дѣйствовало на сердца слушателей. Священникамъ соборнымъ было приказано читать ежедневно поученія по книгѣ. Казалось, что святость высокаго сана еще болѣе увеличила смиренномудріе опытнаго пастыря: онъ былъ всегда доступенъ для каждаго просителя, и неистощимо милостивъ для всѣхъ нуждающихся; въ ночное время посѣщалъ богадѣльни, раздавая щедрую милостыню. Безъ нищихъ и странниковъ онъ никогда не садился за столъ. Для нихъ поставлялъ онъ ежедневно обильную и сытную трапезу, а самъ, сидя съ ними, вкушалъ по немногу одного или двухъ кушаньевъ самыхъ простыхъ. Гостей сво-

ихъ угощаль онъ пивомъ и виноградными винами, а самъ пилъ только кисляя щи и квасъ монастырскій. Передъ великими праздниками онъ выкупаль неоплатныхъ должниковъ. Къ духовенству былъ весьма снисходителенъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ строго взыскиваль за пьянство, развратъ и любостяжаніе. Особенно же любилъ святитель сиротъ и престарѣлыхъ вдовъ, усердныхъ къ церкви Божіей; бѣднымъ невѣстамъ-сиротамъ верѣдко выдаваль онъ деньги на приданое. Несмотря на глубокую старость, онъ ежедневно ходилъ къ утрени, и литургіи въ соборную церковь, за исключеніемъ только тѣхъ дней, когда бываль въ отъѣздѣ или служилъ въ другой какой церкви. Иногда слушая слово, читаемое по книгѣ вмѣсто причастнаго пѣнія, онъ самъ восходилъ на амвонъ и объяснял прочтенное, такъ назидательно и трогательно, что приводилъ слушателей въ слезное умиленіе. Старческіе недуги посѣщали старца; зрѣніе ослабѣло и почти совсѣмъ померкло, но святитель не ослабѣваль въ своихъ пастырскихъ подвигахъ.

Онъ поручилъ свою Флорищевскую пустынь одному изъ учениковъ своихъ, іеромонаху Иринарху, опытному въ духовной жизни, смиренному и благоговѣйному подвижнику. Ему вмѣнено было въ обязанность сохранять неприкосновеннымъ въ обители тотъ уставъ, который былъ введенъ самимъ Иларіономъ.

При обзорѣннн своей епархіи, митрополитъ Иларіонъ замѣтилъ многія несправности, нерадѣніе и невѣжество въ исправленіи богослуженія; особенно браки всегда сопровождались величайшимъ соблазномъ, помрачающимъ святость таинства. Священники вѣнчали своихъ прихожанъ въ ночное время; родители новобрачныхъ приносили въ церковь хмѣльные напитки и угощали всѣхъ находившихся при вѣнчаніи, какъ родственниковъ, такъ и чужихъ: въ трапезѣ или на паперти пѣли неприличныя пѣсни, заводили пляску, и все это дѣлалось

при личномъ участіи самихъ священнослужителей. Ревностному святителю стоило великихъ трудовъ очистить храмы Божіи отъ подобныхъ соблазновъ и другихъ злоупотребленій. Онъ исправлялъ нравы духовенства окружными посланіями, выговорами, временнымъ запрещеніемъ отъ службы; совершенно порочныхъ и ненадежныхъ къ исправленію священнослужителей отрѣшалъ отъ мѣстъ и лишалъ сана; «учредилъ поповскихъ надсмотрщиковъ» (благочинныхъ), для наблюденія за нравственностью духовенства и за благочиніемъ службы церковной, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ; въ особенности же онъ былъ осмотрителенъ и прозорливъ въ избраніи и посвященіи служителей олтара, боясь сообщить даръ благодати человѣку недостойному.

Въ тоже время онъ прилагалъ попеченіе о возобновленіи и украшеніи обветшавшихъ церквей и о построеніи новыхъ, вездѣ гдѣ были онѣ необходимы. Кромѣ приношеній отъ разныхъ лицъ, онъ употреблялъ на этотъ предметъ значительную часть своихъ собственныхъ доходовъ. Такъ въ Суздаль онъ возобновилъ и украсилъ древній соборный храмъ Богоматери; устроилъ въ немъ богато украшенныя иконы, большія хоругви и огромный пятиглавый фонарь для торжественныхъ ырестныхъ ходовъ; при немъ построено въ Суздаль нѣсколько каменныхъ храмовъ, а въ селахъ ввѣренной ему епархіи болѣе 70 церквей, большею частію деревянныхъ.

Мы упоминали выше, что постоянные труды, строгій постъ, молитвенное бдѣніе и преклонная старость изурили тѣлесныя силы и ослабили зрѣніе блж. архипастыря, но не могли ослабить духа и силы его дарованной ему отъ Бога прозорливости. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ подвергался разнымъ непріятностямъ отъ людей не благонамѣренныхъ. Епископъ Леонтій, бывшій тамбовскій, лишенный епархіи и сосланный подъ началъ въ Суздальскій Спасо-Евѣиміевъ мона-

стырь съ запрещеніемъ священнослуженія ^(а) послалъ въ Москву доносъ, что митрополитъ Иларіонъ, будучи слѣпъ, не можетъ управлять епархіей, рукополагаетъ недостойныхъ людей въ священники, дьяконы и окруженъ людьми злонамѣренными. По разсмотрѣніи этого доноса въ Москвѣ, Леонтіи присланъ снова въ тотъ же монастырь для неисходнаго пребыванія подъ строжайшимъ надзоромъ. Тамъ онъ вскорѣ совершенно лишился ума и несчастно умеръ. Въ то же время царь Петръ Алексѣевичъ повелѣлъ преосв. Иларіону, хотя лишенному зрѣнія, оставаться на престолѣ своемъ до самой кончины. Правитель монастырскихъ дѣлъ и другіе распорядители церковныхъ имуществъ пользовались положеніемъ старца, чтобы лишать его святительскихъ доходовъ. Но чуждый любостыжанія, маститый святитель смотрѣлъ на это равнодушно, потому что и прежде того онъ былъ всегда бѣденъ, употребляя значительные свои доходы на благотѣнія неимущимъ. Послѣ кончины его нашлось только три полушки.

Въ началѣ декабря 1708 года, во время утрени въ соборной церкви, святитель Иларіонъ внезапно заболѣлъ такъ сильно, что уже не могъ идти въ свои кельи, но былъ отнесенъ на рукахъ. Сохраняя полное сознание, онъ исповѣдался передъ духовникомъ, причастился св. Таинъ и предалъ душу свою Господу 14 декабря 1708 года на 77 году отъ рожденія, послѣ 26 лѣтняго архіпастврства. За часъ до кончины, крестовый іеромонахъ Меѳодій сказалъ ему: «владыко святой, преподай послѣднее благословеніе благочестивому государю нашему царю Петру Алексѣевичу.» Тогда умирающій святитель и при послѣднемъ издыханіи показалъ свое смиренномудріе. Онъ не захотѣлъ благословить просто рукою, но приказалъ подать себѣ честный крестъ и приподнявъ его, благо-

(а) Леонтіи былъ епископомъ Тамбовскимъ съ 1682 до 1684 г.

словилъ имъ. Меодій продолжалъ просить благословенія для государынь — царицъ, для царевича Алексія Петровича, для царскаго синклита, для всего причта церковнаго, для всѣхъ православныхъ христіанъ и наконецъ для братіи Флорищевой пустыни. А между тѣмъ святитель осѣнялъ крестообразно честнымъ крестомъ, наконецъ облобызалъ его, положилъ себѣ на грудь и вскорѣ скончался.

Отпѣваніе тѣла блаж. митрополита Иларіона послѣдовало 30 декабря, при многочисленномъ стеченіи плачущаго и рыдающаго народа. Тѣло его погребено въ сѣверозападномъ углу соборной церкви, при чемъ святость почившаго святителя удостовѣрена исцѣленіемъ страдавшей отъ злаго духа дѣвицы Ксеніи, служанки священника Суздальской Воскресенской церкви Василя Ѳедорова.

Въ рукописномъ житіи блаж. Иларіона, написанномъ крестовымъ іеромонахомъ Меодіемъ, служившимъ при немъ болѣе 20 лѣтъ, сообщается еще нѣсколько чудесъ, и опытовъ прозорливости, совершившихся при молитвенномъ пособіи святителя. Изъ нихъ особенно замѣчательны два слѣдующихъ.

Вдова царя Іоанна Алексѣевича, царица Параскева Ѳеодорова, еще при жизни митрополита Иларіона пріѣзжала въ Суздаль съ тремя дочерьми, царевнами Екатериною, Анною и Параскевою, желая видѣть святителя. Въ бесѣдѣ своей онъ, по дару прозорливости, возвѣстилъ царицѣ и царевнѣ Аннѣ нѣчто такое, что послѣ совершилось въ свое время. Въ послѣдствіи, вступивъ на Русскій престолъ, императрица Анна Іоанновна вспомнила пророчество, слышанное ею отъ святителя, и неоднократно посылала вклады изъ царской казны въ Суздальскую соборную церковь и во Флорищеву пустынь на поминованіе души митрополита Иларіона.

Другое обстоятельство еще болѣе замѣчательно. У одного

изъ сродниковъ царскаго дома, боярина Абрама Феодоровича Лопухина, супруга его боярыня Феодосія родила сряду трехъ мертвыхъ младенцевъ и весьма тѣмъ огорчалась. Одна знакомая женщина сказала ей: «призови себѣ на помощь Иларіона, митрополита Суздальскаго; можетъ быть, по молитвамъ его, ты родишь живаго младенца, потому что онъ помогаетъ многимъ, прибѣгающимъ къ нему съ вѣрою». На это Феодосія сказала: «будучи еще живъ, онъ не показывалъ къ намъ особенной любви, а теперь я не знаю, какъ просить отъ него помощи». Послѣ того Феодосіи явился во снѣ святитель Иларіонъ и сказалъ ей: «развѣ я сдѣлалъ тебѣ како е зло или чѣмъ обидѣлъ тебя при жизни моей, что ты считаешь меня врагомъ себѣ? Призови меня на помощь, и дитя, которое ты носишь теперь во чревѣ, родится живымъ.» Феодосія еще сама не знала въ то время, что была беременна, но послѣ этого сновидѣнія стала усердно молить почившаго святителя, чтобы испросилъ ей у Бога живое дитя. Молитва ея была услышана: она родила дочь, которую при крещеніи назвали именемъ св. Анастасіи-Узорѣшительницы. Обрадованная боярыня послала денежный вкладъ въ Суздальскую соборную церковь, прося совершать панихиды при гробѣ митрополита Иларіона и вписала имя его въ свой помянникъ. Это случилось спустя два года по кончинѣ святителя.

Святостію своей жизни, молитвенной и многопостной, святитель Божій Иларіонъ, оставилъ по себѣ въ народѣ живую память угодника Божія. Донинѣ многіе притекаютъ къ его гробу и служатъ панихиды, ожидая богоугодныхъ молитвъ и помощи его въ тяжкихъ недугахъ и горестяхъ житейскихъ. Особенно многія беременныя женщины, не только въ Суздаль, но и въ другихъ городахъ, прибѣгаютъ къ нему съ молитвою о счастливомъ чадорожденіи, и имѣютъ у себя живописное изображеніе митрополита Иларіона. Мнѣ случилось ви-

дѣтъ этотъ портретъ въ Москвѣ, у благочестивой и добродѣтельной княгини В—ой, которая сама прибѣгала и двумъ замужнимъ дочерямъ своимъ совѣтовала прибѣгать во время беременности къ молитвенной помощи богоугоднаго святителя Суздальскаго.

Графъ М. Толстой.